

Л и н и я ж и з н и

МАРИЯ
САДЛОВСКАЯ

МАНЬКА-
ПРИНЦЕССА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С14

Оформление серии *Сергея Курбатова*

С14 Садловская, Мария.
Манька-принцесса : сборник / Мария Садловская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Линия жизни. Проза Марии Садловской).

ISBN 978-5-699-99765-7

Все рассказы Марии Садловской — о настоящем, пусть и непримечательном для постороннего взгляда счастье.

Аню растила бабушка, и главным сокровищем девочки была старая тряпичная кукла Манька. Но мама, захватившая навестить дочку где-то между поисками личного счастья, выбросила Маньку, заменив ее на «приличную куклу». Вот только девочку эта замена вовсе не обрадовала...

Другая героиня — Галина, живущая очень трудно, в одиночку воспитывающая сына-инвалида, пожалела замерзающего на улице безнадежного пьяницу, не догадываясь, что отогрела таким образом сразу три сердца...

Всё это простые человеческие истории, но каждая из них — по-настоящему живая и трогательная.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Розенблит М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99765-7

Иванова любовь

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода.

От Иоанна. Гл. 12, стих 24

Каждое утро Галина несла на спине Петьку в школу. Родился Петя, как казалось, нормальным ребенком. Правда, долго не ходил. Первые шаги сделал, когда ему было около четырех лет. А где-то к семи годам стал передвигаться на четвереньках. Сколько Галина ни билась, выпрямиться не мог, а если мама слишком донимала, пытаясь Петьку поднять на ноги, плакал — было больно. Повезли в районную больницу, потом в областную — диагноз был одинаковым: запущенный туберкулез позвоночника.

Никакой надежды врачи не давали, только говорили: эта болезнь развивается при плохих бытовых условиях и от недоедания. Соседка Галины Катерина категорически заявила: бытовые условия в деревне у всех одинаковые, а Петькина болезнь — это грех, что даром не прошел. Вот теперь Гальке и приходится таскать его на спине. Катерина считала: если Петька родился без отца, значит, во грехе!

Галина молчала. Судьбе она покорилась давно, но греха за собой не чувствовала.

Некрасивая она была. Костистая, нескладная, в селе ее прозвали Коромыслом. Большой нос в форме сливы никак не украшал лица. Вокруг рта у Галины довольно рано образовались горькие складки. Глядя на них, трудно было представить улыбку на ее лице. Не ждала Галька для себя пары в этой жизни. Кому она такая приглянется?

Ее Петька — дитя войны. В то время через их село немцы гнали пленных, наших, советских. Остановились на двое суток, чтобы жители села подкормили изголодавшихся людей — у немцев было плохо с провизией. Распределили всех по хатам, конечно, с охраной. У Галины оказались на постое немец с двумя нашими пленными. Удостоверившись, что у хозяйки в доме ничего нет, кроме ведра картошки, немец ненадолго отлучился, а вернулся с куском сала и каской, наполненной яйцами.

Вечером Галина их накормила. Всех. Тайком от немца поливала жиром картошку пленников, потом втихаря подкладывала в тарелки шкварки.

А ночью она не помнит, кто к кому подошел: то ли он к ней, то ли она к нему... К утру она знала, что его зовут Алексей. Алеша, ее Алеша... Родом он с Урала. Есть там такой поселок со смешным названием — Пичугино, маленький поселок, почти такой,

Иванова любовь

как их село... А больше ни о чем не говорили. Ни к чему было.

Так что ее Петька — Алексеевич. А фамилия, как и у Галины, Коломиец. И никакого греха нету, как и нету отца. Наверное, его убили. А может, и нет. Петьке она сказала, что его отец погиб на фронте. Один только раз сказала. Больше разговора с сыном на эту тему не было.

В селе Галька числилась в бедняках. Кроме кур с петухом, ничего не было. Ну, и еще огород. Но даже с этим малым хозяйством она еле-еле управлялась. Ведь Петьку на спине надо было отнести в школу и обратно. И так каждый день. Предлагали Галине получать в школе домашнее задание, и пусть парень дома занимается — матери будет легче. Но Галина встала стеной: ее Петька будет учиться как все — в школе! Ведь занимался мальчик хорошо, особенно успешен был в математике и алгебре!

Храня в голове высказывания врачей насчет недоедания, Галина решила купить козу. Она была уверена, что Петька станет пить козье молоко и выздоровеет. То ли слышала где о целебности молока, то ли сама придумала.

В селе люди, которые держали коз, были предметом насмешек. Зажиточные хозяева, как правило, держали коров. Тем не менее козу Галька купила.

Пришлось, правда, расстаться с единственной ценной (по представлению Галины) вещью, которая досталась ей от прабабки, — это пять ниток бус из яшмы. Козу она купила дойную, привела домой и сразу надоила кринку молока.

Поначалу Петька был против. Боялся, что над ним будут в школе смеяться. Чего доброго, еще «козлом» прозовут! Но, к счастью, все обошлось. Коза Монька была миролюбивым существом, всем пришлась по душе, и даже соседка Катерина иногда, чтобы не пропадать добру, бросала Моне через забор свекольные очистки.

Петька становился тяжелее, а Галина все больше уставала. Особенно трудно было осенью, когда начинались дожди и дороги заливало водой.

Если раньше Галина ничего не боялась — ей просто было некогда, — то в последнее время она панически страшилась заболеть. Ведь тогда Петька будет обречен! Кто его отнесет в школу, а потом обратно домой? Он ведь до сих пор так на четвереньках и передвигался. Оставить сына без учебы Галина даже в мыслях не допускала! В мечтах она видела Петьку здоровым, стройным, с образованием и... с профессией.

В тот год осень была дождливой, а потом внезапно взялись заморозки. В гололед Галина привязывала к подошвам сапог тряпки, чтобы меньше сколь-

Иванова любовь

зило. Случалось, они с Петькой падали, потом долго поднимались: без табуретки взять Петьку на спину было непросто. Один раз не выдержала, заплакала, но стал плакать и Петька... Они тогда не дошли до школы, вернулись обратно. Больше она никогда не позволяла себе плакать.

Однажды вечером Галина с Петькой возвращались из школы. Перед домом во всю ширину дороги образовалась огромная, подернутая льдом лужа. Галина про нее помнила, и они благополучно миновали каверзное место, но вдруг слышали непонятные звуки, доносящиеся с середины лужи. В сумерках всего не разглядишь, и Галина, обернувшись назад, крикнула на всякий случай: «Кто там?» Послышалось какое-то барахтанье, потом невнятный голос:

— Помогите, не могу подняться!

По голосу Галина не определила, кто это был, но поняла: человек нетрезвый и, видимо, промокший. А на дворе — мороз, к ночи он усиливался. Зная, что с Петькой на спине она помочь не сможет, крикнула:

— Подожди немножко, я сейчас ребенка отнесу и вернусь!

Галина чуть ли не бегом поспешила к дому. Потом, оставив в хате Петьку, сняв с сапог тряпки, вернулась обратно. Потерпевший продолжал булты-

хаться в воде, но подняться самостоятельно на ноги не мог — был сильно пьян. Подойдя ближе, Галина узнала Ваньку-Микробу, местного алкаша. В том месте, где он ворочался, лед под ним провалился, хлюпала черная жижа, и Микроба весь с головы до ног ею вымазался. Осторожно ступая, чтобы не набрать воды в сапоги, женщина, подойдя совсем близко к потерпевшему, взяла его за руку и стала дергать, пытаясь поднять.

Спасение продолжалось долго. Хоть Ванька-Микроба не был крупным мужчиной, но пьяного, да еще в промокшей одежде Галина поднять не могла. Поэтому так лежащего и волокла по замерзшей земле, часто останавливаясь для передышек. Когда опомнилась, обнаружила, что, видимо, по привычке притащила трофей под дверь собственного дома. В сарае дурным голосом кричала Моня, требуя, чтобы ее подоили. Стемнело, под ногами похрустывал лед — ночью подморозило.

На Микробе одежда задубела, зубы от холода выбивали дробь. Но подняться на ноги все равно не получалось. Хмель из его головы выветрился, он понимал: если эта женщина ему сейчас не поможет, до утра он замерзнет. Микроба, судорожно вспоминая деликатные слова (их он когда-то нашептывал своим бабам), торопливо выговорил:

— Ты, того, миленькая, не бросай меня, а? Я в долгу не останусь! Я же тебя знаю, у тебя ребенок-

Иванова любовь

калека, ты его на спине носишь. Вот только забыл, как тебя зовут...

— Галькой меня зовут. Пить надо меньше, тогда будешь все помнить!

Ответила Галина сердито, потому что вдруг поняла: ей никуда не деться от этого алкаша. Еще замерзнет ночью — не возьмет же она грех на душу? Горько ухмыльнувшись, ни к кому не обращаясь, промолвила:

— Видно, на роду написано таскать на себе тяжести!

Она его тогда спасла. Помогла снять задубевшую одежду, взамен дала сухую фуфайку. Вместо брюк Микроба завернулся в рядно. На пол, в углу прихожей, Галька бросила старый облезший тулуп. Зимой этим тулупом она закрывала от холода входную дверь. Сверху набросила на лежавшего еще одну фуфайку, хотя Ванька и так уже благодарно храпел. Мокрую одежду развесила около горячей печки.

Утром женщина могла бы дольше поспать — было воскресенье, но, вспомнив про Микробу, поднялась. Выйдя в прихожую, она увидела сложенные аккуратной стопкой вещи, которыми обогревался Ванька. Самого потерпевшего не было. Облегченно вздохнув, Галина пошла доить Моську.

Позже, сидя за столом в ожидании молока, Петька, недовольно поглядывая на мать, сказал:

— Мам, ты никому не говори, что мы помогли этому пьянице, а то и нас будут называть Микробами!

Галька и думать об этом уже забыла, поэтому ничего и не ответила.

* * *

Хата Ваньки-Микробы стояла на краю села. Его двор соседствовал с кладбищем, что Ваньку нисколько не тревожило. Жил он в хате один. Уже и не помнит, сколько лет один. Мать умерла, когда Ванька служил в армии. Отец не вернулся с войны. Собственно, прозвище Микроба у Ваньки от отца. Когда-то давно — Иван был еще маленьким — его отец попал в больницу с гнойным нарывом на ноге. В то время оказаться в больнице было редкостью. Вернувшись домой, отец начал щеголять медицинскими терминами, чаще всего звучало слово «микроб». Отец всякий раз напоминал жене и маленькому Ивану: мойте с мылом руки (правда, мыло в доме бывало нечасто), иначе заведутся микробы и заполонят весь дом. Иван еще помнит, как спросил тогда отца:

— Тату, а эта микроба большая? А где она будет спать?

Мать тогда накричала на отца: зачем учит ребенка всяким ругательным словам?

Но слово «микроба» (почему-то ставшее женского рода) пошло по селу, и всю семью Ваньки стали называть Микробами.

Иванова любовь

После армии Ванька женился, даже несколько раз. Жены были все пришлые, из соседних поселков. Но долго не задерживались, бросали Ваньку, благо детей не было. Любил Микроба выпить. А если более точно — был горьким пьяницей. Сам об этом знал и давно смирился. Имущества у него никакого не было, кроме кур и петуха, оставшихся от последней жены. А в колхозе что зарабатывал, то и пропивал. Хотя, как говорили сельчане, мог бы жить хорошо: руки у Ваньки — золотые. В столярной мастерской он был подручным Кольки Голодка, а тот — признанный мастер, хотя тоже выпивал.

Очнувшись в чужом доме, Микроба поспешно вскочил на ноги, быстро собрался и ушел, чтобы не встречаться с хозяйкой — стыдно. Прибежав домой, первым делом опохмелился. Больше пить не стал — был слишком перепуган. Понимал, что, если бы не эта Коромыслиха, был бы Ванька сейчас покойником.

Микроба вышагивал по давно не убранной хате, от стенки к стенке, держа руки в карманах штанов, пытаясь осмыслить вчерашнее происшествие.

Вывод был один: бросить пить. Но его натура противилась этому, услужливо предлагая всевозможные лазейки. В конце концов Микроба пошел на компромисс с самим собой, решив пить меньше. Вот опохмелился утром и до вечера — ни-ни! А сейчас

он, как порядочный человек, должен эту Коромыслиху как-то отблагодарить! Что бы такое придумать? Денег у него нет, а то можно бы купить что-нибудь в сельмаге: печенья там или еще чего...

Поняв тщетность мыслительных усилий — деньги-то от них не появятся, — Ванька стал думать в другом направлении. Кажется, бабы любят цветы. Точно! Когда он служил в армии, помнится, воровал на клумбе в войсковой части розы и ходил на свидание с девушкой! Но сейчас за окном мороз, откуда цветам взяться?

Ванькин взгляд остановился на стенке, где висел засиженный мухами и покрытый пылью образ неизвестного святого, а может, и Бога, — понять было невозможно. Сверху за образ был воткнут букет бумажных цветов, предположительно — роз. Из-за плотной паутины определить его цвет было нельзя.

Откуда взялся букет — Ванька не помнил. Он подошел к иконе и громче обычного, чтобы взбодрить себя, произнес:

— Я не все цветы возьму, всего три штучки!

Микроба отделил три пыльных цветка, остальные воткнул обратно, на всякий случай неумело перекрестившись. Потом стал старательно чистить цветки от паутины и пыли. Через какое-то время он решил, что цветы готовы к использованию. В углу, занавешенном рядом, где была свалена в кучу одежда, Ванька, порывшись, вытащил рубашку, решив: она

Иванова любовь

самая праздничная. Одевшись, он спрятал цветы под фуфайку и, уже выходя из дома, увидел около двери трость с отшлифованной ручкой: он делал ее во внеурочное время недели две. Во всю длину трости протянулась хитроумная резьба с птицами на завитушках. Получилась она на загляденье — сам Голодок завидовал! Немного подумав, он прихватил трость с собой и двинул в гости.

Между тем Галина, накормив Петьку и подложив ему побольше книжек, вышла в сарай к Моньке, пытаясь придумать, как бы утеплить загон, где будет зимовать коза. А как утеплишь, если дверь в сарае висит на одной петле?

Именно в это время во двор и зашел Ванька-Микроба. Выражение лица у него было одновременно торжественное и смущенное, а увидев Галину, он совсем потерялся. Даже поздороваться забыл. Потом, спохватившись, стал почему-то совать ей в руки трость. От неожиданности Галька тоже ступевалась. Трость оказалась у нее в руках, и она не знала, что с нею делать. Соседка Катерина, увидев через дырку в заборе у Гальки мужика, еще не зная, кто это (но само по себе диковинно!), захлебываясь от любопытства, воскликнула:

— Гальцю, а кто там у тебя?!

Галина, придя в себя, нарочито будничным тоном ответила: